

Прощание славянки

Полемические заметки
о "народном кино"

В начале 70-х, весной, Севастополь был разбужен гулом турбин. На ученье "Океан" уходил Черноморский флот. Два часа гул стоял над морем. Горожане спешили к набережным: кто из любопытства, кто проводить моряков в дальний поход. А тот, кто жил вдали от моря, выходил из дома и прислушивался. Прозрачный утренний воздух вибрировал и будил в душе тревогу. Но тревога перерождалась в чувство причастности к чему-то общему, еще пока неосознанному... А корабли на полном ходу покидали бухты. И строй их, четкий ритм движения, уже не гул, а низкий рев двигателей, прощальные гудки у Графской пристани отзывались в сердцах гордостью — ты часть единого порыва воли города, воли флота.

В фильме Н. Михалкова "Сибирский цирюльник" есть эпизод, немало разобранный на кирпичики критиками, эпизод парада кадетов в Кремле. В нем, кроме всего прочего, не дающего покоя критикам, один короткий кадр-укрупнение. Молодые кадеты, держащие равнение в шеренге, сцепляют мизинцы. Деталь дорожного стоит. Прощедшие армию знают этот наивный, но действенный способ чувствовать друг друга в строю. В режиссуре это укрупнение выдает человека, на себе почувствовавшего состояние шагающего парадным маршем воина, части единого благородного человеческого порыва.

Весна 99-го года. На экране телевизора набережная Севастополя. Провожают маленький кораблик-разведчик в поход к югославским берегам. Странное смешение чувств: горечи и еще одного, трудно поддающегося определению, скорее, радости. "Пока сердца для чести живы..." Радости за пусть малое, но проявление чести у государства. Уже давно нас приучают жить по закону: "Бойся первого проявления чувства — оно, как правило, благородно"...

Журналистка по радио "Эхо Москвы" в репортаже о фильме "Кто, если не мы" радостно восклицает: наконец появился фильм, несущий в народ новую мораль, перво-наперво семейные ценности (народная поговорка точнее — "Моя хата с краю"), потом все остальные. Заговорили о "народном кино". Заговорили те, из уст которых сие словосочетание ранее слышать не приходилось. А началось все с "великого" завоевания нашего "нового" кинематографа — фильма "Вор". Уйма денег на раскрутку. Шумиха по телевидению и в прессе. Действительно, на экране профессионально сработанное зрелище. Как нынче говорят продюсеры: "Деньги с экрана видны". Органичный мальчик оправдывает любые обстоятельства сценария. Все вроде если не талантливо, то на уровне. Умиление отовсюду, правда, в основном мальчишеским... А был ли "мальчик"? Один мудрый человек сказал правду. Выразил с прямоотой человека, прошедшего все испытания в жизни и знающего зону не понаслышке. Имя ему Георгий Жженов. И по сюжету, и по воздействию на зрителя под "народное" кино сделанное, но инородное духу народа, морали народа — это просто художественная неправда, неправда о времени и о характере народа. Этакий пикантный сюжет, опрокинутый в историю страны. Ничего не бывает случайного, тем более название фильма.

Известная актриса простодушно рассказывает, что задавала режиссеру еще одного "народного" фильма под милым названием "Мама" вопрос: "Почему моя героиня решила бежать с детьми из страны, захватив самолет?" Что ей ответил режиссер — не обьявила. Из фильма — не понятно. Профессиональный сценарий подразумевал трагедийный конфликт, но сценарий экранизирован так холодно, что вопрос не снят. А термин "народный", присвоенный авторами фильму до премьеры, вызывает по меньшей мере недоумение. Если героиня хочет хорошей жизни для детей, это понятно, но если хочет бежать из родной страны, угнав самолет, то почему такая женщина становится героиней народного фильма?!

Нынче в моде фраза Вольтера: "Все жанры хороши, кроме скучного". Однако еще А.С. Пушкин заметил, что Вольтер не сказал: однокоренно хороши! В юбилейный год полезно Пушкина почитать.

Представьте на секунду "Калину красную", снятую режиссером с холодным сердцем! Под девизом "все жанры хороши, кроме скучного"! Вообще весь Шукшин без любви к предмету своего искусства, своим героям — бытовая чернуха. Отар Иоселиани в своем фильме о диоком племени уважительно и с любовью относится к своим африкан-

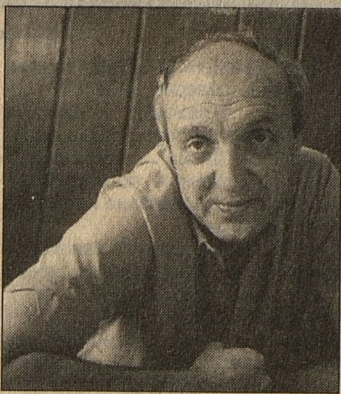

Фото ГИЕПОСТОЛСКОГО

ским героям, больше, чем иные авторы "народного кино" к своим соотечественникам. Жизнь на экране у таких авторов сродни взгляду в перевернутый бинокль. Еще не чужой страны, но уже не своей, уже далекой... Поднятая на щит критиками еще одна "народная" картина "В той стране" вдруг ущербна наперекор автору рассказов Борису Екимову, который своих непутевых героев рисует с юмором и без надруга. К сожалению — или к счастью, экран всегда есть отражение личности режиссера. И сколько бы ни уверял режиссер фильма в обратном, если не любит он саму жизнь деревни, во многом безрадостную, но достойную уважения, как и всяческая жизнь, то эта нелюбовь ощущается с экрана. В результате герои фильма "В той стране" сострадания не вызывают. Остается тягостное впечатление убогого существования в "той" стране, жизни не в радость... Но при дефиците правды на экране и "В той стране" — шедевр!

Введение в обиход СМИ термина "народный фильм" не случайно. Время ставит перед народом вопрос самосознания и сплочения. Столкновение западного практицизма со славянским идеализмом налицо. Бомбежки на Балканах — тому подтверждение. Так называемый здравый смысл Запада не знает, что творит. По-прежнему, со времен Пушкина, "Европа в отношении России столь же невежественна, как и неблагодарна". В обыкновение входит говорить о народности, желать народности, но по-прежнему никто не думает определить, что под словом "народность", тем более в кино, следует понимать. Вспомним вновь Пушкина.

"Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии..." Из цитаты Пушкина следует одно важное соображение. Народным произведение искусства не называется, а становится, и говорить о нем можно лишь позднее, когда оно читается, слушается, сморщится людьми.

Обозвать же до премьеры в целях рекламы фильм народным — дело столь же бесчестное, сколь бесчестна спекуляция вообще понятием "народ", тем более в целях наживы и самоутверждения практичных дельцов от кино. Да и само понятие "народ" в их устах звучит высокомерно. Примерно как театральное "публика дура". А термин "народное кино" для них — это так, на уровне стеба. Авось публику соберем, и в патриоты заодно запишут.

Не так давно, уже в конце 90-х, в Севастополе, недалеко от Графской пристани, там, где отходят морские трамвайчики на Северную сторону и пассажиров по утрам и вечерам много, средних лет человек, всегда в пиджаке, правда, линялом, видно, из музыкантов, на надраенной до блеска трубе играл "Прощание славянки". Специально денег не просил, но и от денег не отказывался. Голос трубы был чистым, над поверхностью моря разносился далеко. Но играл трубаач знаменитую мелодию не как марш. Скорее как зов к кому-то далекому, туда, за Северную сторону, на материк. Кого звал тот голос трубы, трудно сказать. Но народ, сбегающий по историческим ступеням, на мгновение останавливался, искал глазами трубаача. Есть мелодии, которые у людей очень разных, но живущих на одной земле, вызывают одни эмоции, одни ассоциации, одни желания... Есть трубаачи с живым сердцем, которые не играют на заказ или для славы, они играют, как чувствуют, ту мелодию, что заставляет людей хоть на мгновение соединиться и уносит их души в даль светлую...

Валерий
ПЕНДРАКОВСКИЙ,
кинорежиссер

Культура — 1999 — 22 — 28 июля — 58

82